

Е. В. Вершинин*

МАНГАЗЕЯ: БЫТОВЫЕ ЧЕРТЫ ЖИЗНИ ЕЕ ОБИТАТЕЛЕЙ**

СИБИРСКИЙ ЗАПОЛЯРНЫЙ город Мангазея, существовавший в 1601–1672 гг., не обделен вниманием историков. Лишенный современности и утеревший преемственную память своих бывших обитателей, город Мангазея долгое время не имел актуальных стимулов к изучению и терпеливо ожидал, когда развитие исторической науки позволит ей роскошь ставить и решать проблемы, обусловленные логикой поступательного развития самого исторического знания. Не случайно, что первый содержательный очерк о Мангазее появился лишь в конце XIX в.¹

В XX в. Мангазея перестала быть «белым пятном» на исторической карте севера Западной Сибири. Работы С. В. Бахрушина, В. А. Александрова, М. И. Белова, Н. П. Крадина и других ученых, основанные на сохранившихся письменных источниках, освещали такие вопросы, как причины экономического расцвета и упадка Мангазеи, значение водных коммуникаций для существования города, состав его жителей, архитектурный облик Мангазеи, возникновение местного культа Василия Мангазейского². Заброшенный город, не имеющий поздних застроек, явился почти идеальным объектом археологического исследования, в первую очередь материальной культуры русских колонистов XVII в. Археологические раскопки городища Мангазея, проведенные М. И. Беловым и его коллегами в 1968–1970 и 1973 гг., в настоящее время продолжены Г. П. Визгаловым³.

Таким образом, можно с удовлетворением отметить, что Мангазея как объект исследования подверглась атакам со стороны специалистов разных отраслей исторического знания (историков географических открытий, ранней русской колонизации и материальной культуры переселенцев в XVII в.). Тем не менее тема данной статьи, подпитываемая, с одной стороны, традициями отечественной историографии, с другой – современным развитием исторической антропологии⁴,

* *Вершинин Евгений Владимирович*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург).

** Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ 0–01–00513а.

¹ *Буцинский П. Н.* Соч. в двух томах: Т. 2. Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень, 1999. С. 6–78.

² Специально «мангазейской» теме посвящены статьи С. В. Бахрушина о воеводах Палицыне и Кокореве, о мангазейской мирской общине и культе чудотворца Василия Мангазейского: *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 1. С. 175–197, 297–330, 331–354; *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М., 1964; *Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. С. 106–127; *Крадин Н. П.* К вопросу о реконструкции города Мангазеи // *Города Сибири: Эпоха феодализма и капитализма*. Новосибирск, 1978. С. 212–235; *Вершинин Е. В.* Коч и русское освоение Западной Сибири // *Полярный архив* Т. 1. М., 2003. С. 83–109.

³ *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. М., 1980; *Они же.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII. М., 1981; *Визгалов Г. П.* Мангазея – первый русский город в сибирском Заполярье (по материалам новых археологических исследований). Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006.

⁴ *Ястребицкая А. Л.* Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиэвистике // *Одиссей. Человек в истории. Культурно-антропологическая*

ранее никогда не выделялась в качестве самостоятельной. Наиболее близко подошел к этой теме С. В. Бахрушин, с его известной детализацией сюжетов и стремлением обрисовать «нравственную физиономию» русского человека XVII в. Интересных результатов можно было бы ожидать от научно-популярной книги М. И. Белова, сам жанр которой располагает к разговору о повседневной жизни обитателей Мангазеи⁵. Однако книга, в которой доминирует героико-патриотический пафос землепроходческого освоения Сибири, игнорирует интересующую нас тему.

Впрочем, и современным исследователям Мангазеи трудно поставить в вину невнимательность к новым задачам, которые ставит перед собой историческая наука. Корпус письменных источников, отразивших частный быт «мангазейщиков», катастрофически мал. Объясняется это московским пожаром 1626 г., когда сгорел центральный приказ (Казанский дворец) со всей имеющейся документацией. Сразу после этого воеводам Тобольского разряда, в состав которого входила Мангазея, поступило указание снять копии наиболее важных документов из архивов местных приказных изб и прислать их в Москву. Это было исполнено вовремя, так как в 1629 г. сгорела приказная изба в Тобольске, определенно содержащая раннюю документацию по Мангазее. Судьба самого мангазейского архива, переехавшего в 1672 г. в Туруханск, неизвестна. Он существовал еще в 1739 г., когда посетивший Туруханск Г. Ф. Миллер снял копии со 146 документов; в дальнейшем его след теряется. Необходимо учитывать и сохранность самих документов еще во время существования Мангазеи. Так, очередной мангазейский воевода кн. Н. М. Борятинский отписывал в Москву в 1639 г., что «съезжей избы всяких старых давних лет со 109 (1600/1601) году... дела драны и ветхи, а у книг начала и концов нет, и которые дела бывали в столпах, и те также изорвались и изветчали, и многих столпцов нет же, а иные вчерне писаны и не составлены и не склеены». Воевода упомянул, что и «судные дела старых лет» (очень ценный вид источника для нашей темы) сохраняются без начала и конца⁶. Ввиду такого положения дел с источниковой базой предлагаемый читателю текст я бы определил скорее всего как заметки на обозначенную выше тему.

Прежде всего, кого понимать под «обитателями» Мангазеи? Сам город был заложен экспедиционным отрядом кн. М. М. Шаховского и Д. Хрипунова весной-летом 1601 г. на левом берегу р. Таз, примерно в 200 верстах от ее впадения в Обскую губу. Потеряв часть судов еще на Оби, отряд, состоявший из 100 тобольских и березовских казаков, двинулся зимой 1600/1601 г. к Тазу на лыжах (запасы везли на оленьих упряжках самоедов). Уже за Пуром отряд подвергся нападению со стороны тундровых самоедов и потерял в бою 30 казаков⁷. Осенью 1601 г. на смену Шаховского прибыл воевода кн. В. М. Рубец-Мосальский с отрядом в 200 служилых людей. Следующий воевода сменил предыдущего в 1603 г.; отряд «годовальщиков» состоял из 100 человек. Такой порядок – посылка в Мангазею временных годовальщиков из Тобольска и Березова – сохранялся до 1625 г. В этом году «по росмотру» тобольского главного воеводы кн. Ю. Я. Сулешева в Мангазею были посланы «на житье з женами и з детьми 50 человек». Действительно, городской список Мангазеи 1626 г. зафиксировал в составе гарнизона 53

история сегодня. М., 1991. С. 84–102; *Куприянов А. И.* Историческая антропология в России: проблемы становления // *Отечественная история*. 1996. № 4. С. 86–99.

⁵ *Белов М. И.* Мангазея. Л., 1969.

⁶ РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 274–278.

⁷ *Вершинин Е. В.* Златокипящая Мангазея // *Родина. Российский исторический журнал*. 2001. № 8. С. 45–46.

стрельца; кроме того, из Березова продолжали присылаться 50 годовальщиков. Эта посылка прекратилась, когда через 3 года местный воевода Г. И. Кокорев прибрал в службу из промышленных людей еще 40 человек. В 1639 г., как следует из коллективных челобитных мангазейских стрельцов, их насчитывалось 90 человек, в 1641 г. – 95⁸. По данным крестоприводной книги 1676 г. гарнизон Новой Мангазеи (Туруханска, куда переехали все жители Старой Мангазеи) насчитывал 145 человек, в том числе 123 стрельца⁹.

Таким образом, основной контингент постоянных жителей Мангазеи – служилые люди с семьями – появился там только с 1625 г. Березовским и тобольским годовальщикам не было никакого смысла брать с собой семьи на 1–2 года. Более многочисленную категорию жителей Мангазеи в годы ее расцвета составляли промышленные и торговые люди, для которых Мангазея, однако, была лишь временной остановкой. С запада через Обскую губу прибывали те, кто только направлялся на промыслы пушного зверя, с востока – те, кто возвращался. В 1654 г. таможенный голова И. Саблин утверждал, что прежде торговых и промышленных людей «зимовало в Мангазее человек по 1000 и больше». Кажется убедительным мнение С. В. Бахрушина, что посадская часть города не имела постоянного населения, кроме семей служилых людей и нескольких «жильцов»¹⁰. Надо думать, что и до 1625 г. годовальщики имели свои дворы, но хозяйственная жизнь в них, вследствие отсутствия женщин и частых отлучек самих служилых людей, была развита слабо. Мангазея оживала с осени до весны, когда двигавшиеся с противоположных направлений «зверобойи» оставались в ней зимовать. Проживали они во дворах служилых людей, создавая невероятную тесноту. Например, приехавший в Мангазею (1639 г.) новый дьяк Обобуров вынужден был остановиться, вследствие непригодности для жилья двора его предшественника, «з женишком и з детишками и с людишками» у стрельца Авраама Михайлова: «А на том Авраамове дворе только изба на подклете да сенишка»¹¹.

В связи с вопросом о количестве постоянного населения Мангазеи не очень понятно стремление М. И. Белова представить заполярный город как поселение со значительным посадским населением. Между тем, сам Белов приводит сведения источника 1644 г., где зафиксированы только 5 посадских людей¹². Совершенно неверны суждения Белова о характере занятий так называемых «оброчных людей», которых он относит к «жилецким людям» и для 1650 г. насчитывает в Мангазее 119 человек¹³. Оброчники в сибирских городах XVII в. – это люди, не входившие в состав гарнизона, но несущие определенные казенные службы (сторожа и целовальники приказной избы, воротники, пушкари, палачи) и потому получавшие (как и церковнослужители – ружники) государево жалованье. Их служба в пользу государства, указывая на малопонятное нам ассоциативное мышление людей XVII в., и называлась «оброком». Ясно, что оброчников в Мангазее за все время ее существования не могло быть много.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 282–283, 313–317; Стб. 25. Л. 33–34; Стб. 75. Л. 592; Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. С. 20–21.

⁹ РГАДА. Ф. 214. Кн. 610. Л. 47–65 об.

¹⁰ Бахрушин С. В. Мангазейская мирская община в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 1. С. 298–299.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 383–385.

¹² Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII. С. 7.

¹³ Там же. С. 8–9.

Таким образом, в Мангазее до 1625 г. не было постоянного населения; во время расцвета «златокопящей государевой вотчины» в городе могли зимовать несколько сотен промышленных и торговых людей. Однако уже в середине 1630-х гг. начался закат Мангазеи. Драгоценный соболь в районах между Тазом и Енисеем «испрмыслился», и основная масса промышленных людей ушла в Якутию. В начале 1640-х гг. ряд караванов кочей, на которых из Тобольска отправляли в Мангазею хлебные запасы и соль, потерпел крушения в Обской губе. Жители Мангазеи в буквальном смысле голодали, о чем свидетельствуют отписки воеводы и таможенного головы. Воевода кн. П. М. Ухтомский, собираясь зимой 1643/1644 г. вместе со служилыми людьми перебраться в Туруханск, хладнокровно сообщал в Тобольск: «Многим будет стрелецким женам з детьми голодом помереть, у которых мужья по службам, а на Турухан збрести не могут». Таможенные головы писали в 1644 г. из Туруханска: «А которые... мангазейские жительство и всяких чинов люди з женишками и детишками для хлебной и платяной скудости из Мангазеи выбрестъ нартным ходом по первому зимнему пути не могли, и те, государь, едят дерево сосну и траву борщ и бродят все и запухли и будут ли и живы, потому... хлеба продажного нет ни у кого»¹⁴. Резюмируя сложившееся положение дел, кн. Ухтомский доносил в Москву: «Дальняя твоя государева заочная вотчина запустела; торговых и промышленных и всяких людей в Мангазее стало мало, и торгов и промыслов нет»¹⁵. Этому сообщению вторит челобитная 1652 г. «туленина» Фомы Пашкова, который за якобы неизвестную ему вину в 1645 г. был сослан в Мангазею. Он писал, что корма и подворья ему не дали, поэтому они с женой и детьми умирают с голода: «А Мангазейский город бесхлебный и безлюдный, по дворам ходить негде»¹⁶.

Сведений о семейной жизни жителей Мангазеи почти не сохранилось. Выше уже говорилось, что в 1625 г. служилые люди из Тобольска переселились в Мангазею вместе с семьями. Промышленные и торговые люди отправлялись на промыслы в Сибирь, покинув, как правило, свои семьи «на Руси» (вспомним, например, знаменитого Е. П. Хабарова, на десятилетия оставившего семью в Соли Вычегодской). Сведений о брачных связях мангазейцев с женщинами из местногоaborигенного населения тоже почти нет. Лишь один раз встречается известие (1640-е гг.), что некий мангазейский стрелец Анисим был женат на ненецкой женщине. Видимо, после его смерти она с детьми самостоятельно нашла «своих родников юраков, именем пеков» (юрацкой самоедьей называли тундровых ненцев). Пожив у них «долгое время», она стала проситься с детьми на Обдор – «к русским людям»¹⁷.

О количестве лиц женского пола в Мангазее судить трудно. В материалах следственного дела о раздоре между воеводами Кокореве и Палицыне (1629–1631) часто фигурирует властная и корыстолюбивая жена Кокорева Марья Семеновна. Имея большое влияние на мужа, Марья присвоила себе роль «великой заступницы» (разумеется, за немалые «приносы» – взятки) за тех, кто подвергся наказанию со стороны воеводы. Под ее окном каждый день толпились просящие женщины, которые за бедностью не могли дать «принос». Их Марья запретила пускать во двор, «и те бедные женочки, русские и самоедки, повалятся перед окнами... и кричат голосом, просят милости и лежат перед окны часов пять и шесть и больше и беспрестанно вопят: “государыня де наша, заступница, пощади бед-

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 437, 434.

¹⁵ Там же. Л. 331.

¹⁶ Там же. Стб. 408. Л. 451.

¹⁷ Там же. Стб. 143. Л. 293.

ных!»). Когда умирал ребенок у кого-нибудь из дворни Кокорева, то Марья приказывала «всех женский пол загонить в город, а тем над мертвым ребенком всем плакать»¹⁸. Поскольку площадь «города» (кремля, окруженного стенами-городнями) была невелика, то «женский пол» Мангазеи вряд ли превышал несколько десятков человек. Немногочисленные источники свидетельствуют, что контингент женщин, постоянно проживающих в Мангазее, состоял в основном из стрелецких жен русского происхождения. Так, стрелец Нечай Балахнин имел в 1656 г. жену Татьяну Павловну и 5-летнего сына Антона¹⁹. Сведения о наличии в Мангазее «блудных женок» (как, например, в Енисейске того времени) нам пока не встречались.

Круг развлечений мангазейцев был традиционным для Московской Руси – посещение квасных изб и бань, в которых можно было играть в шахматы и азартные игры – зернь и карты. При археологических раскопках Мангазеи в общей сложности было найдено 261 шахматная фигурка, 8 шахматных досок и свыше 50 игровых кубиков²⁰. Учитывая большое количество промысловиков, зимовавших в Мангазее, распространенность игры в шахматы не вызывает удивления. Отношение правительства к игральным костям (зерни) не было последовательным. С одной стороны, указы сибирским воеводам содержали статью, запрещающую игру в зернь служилым людям, поскольку те, войдя в азарт, проигрывали денежное жалованье и амуницию. С другой стороны, зернь могла отдаваться на откуп, и тогда в городе появлялась «зерновая изба», приносящая доход государственной казне. В Мангазее такая изба существовала в 1630-х гг.; в азартные игры вполне официально играли и в торговых банях. В это время в Мангазее «с государственной торговой бани и зерни, и с картяной и со всякой складной игры, и с квасу, и с сусла» ежегодный доход составлял 600–650 рублей²¹.

Более интересным местом для игры в зернь являлись, конечно, государственные кабаки. Судя по всему, до 1621 г. кабака в Мангазее не было, но до тобольского воеводы дошли сведения, что мангазейский воевода посылал в Туруханское зимовье на продажу свое вино (водку) и мед и выручил от продажи якобы 8 тыс. рублей. В 1621 г. в Мангазею прибыл тобольский подьячий Никифор Чаплин для организации кабака, с запасом в почти 300 ведер вина и 169 пудов пресного меда. В наказе Чаплину запрещалось продавать вино промышленным и торговым людям, пока они не уплатят десятую пошлину со своих товаров и пушнины; ясачным людям – до уплаты ясака, а стрельцам вино запрещалось продавать вообще, дабы они «не испропивались»²². О существовании государственного кабака после отъезда Чаплина ничего не известно, но винная продажа по-прежнему шла бойко. Вопреки наказам, мангазейские воеводы тайно торговали вином со своего двора; занятие это было рискованным, но и прибыльным. Так, уже упоминавшаяся Марья Кокорева торговала вином через своих приближенных «боярынь». В 1630 г.

¹⁸ Бахрушин С. В. Андрей Федорович Палицын // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. Ч. 1. С. 195–197.

¹⁹ Ромодановская Е. К. Легенда о Василии Мангазейском // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 197.

²⁰ Визгалов Г. П. Мангазея – первый русский город в сибирском Заполярье (по материалам новых археологических исследований). С. 224.

²¹ Бахрушин С. В. Зернь // Бахрушин С. В. Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 122–125.

²² Буцинский П. Н. Соч. в 2-х томах: Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень, 1999. С. 35–36; Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов... С. 10.

оба враждовавшие между собой мангазейские воеводы – Кокорев и Палицын – послали в Туруханск на продажу по бочке вина²³. Сосланный в Мангазею чернец Ефрем Кривошея (к слову сказать, человек весьма склочного характера) подал извет на воевод В. А. Давыдова и Д. Ф. Клокачева (1631–1633), где, в частности, писал, что они «и жены их безстрашно и безсрамно держат кабаки в горницах и в подклетах безпрестани, в день и в ночь торгуют вином, продают на деньги в ведра и в скляницы и в чарки, а у кого денег нет, и с тех емлют кресты и рубашки и штаны и всякое платье и рухлядь, а люди де их дают тем питухом под заклад деньги и вместе с ними пьют; и пропився, те люди сходят от них з дворов наги и боси»²⁴.

Совершенно очевидно, что «окном» в частную жизнь индивидов могут являться судебно-следственные дела, отразившие детали быта и поведения людей определенной эпохи. К сожалению, среди сохранившихся документов по Мангазее судебных дел очень мало. Так, в 1652 г. при воеводе И. С. Корсакове рассматривалось дело промышленного человека И. Ф. Галичанина, который, будучи на промыслах в верховьях Таза, убил из лука трех других промысловиков и покушался на убийство еще трех. Под пыткой Иван, который оказался крестьянином боярина Н. И. Романова, сознался, что убивал из корыстных побуждений: «А хотел де он их побить из нажитков, Бог даровал им соболиный промысел добре». По приговору воеводы убийца был повешен в Мангазее²⁵. Но в самой Мангазее тяжкие уголовные преступления, судя по всему, были редкостью. Воевода Корсаков застал «тюремных сидельцев» 16 человек, из них уже 9 лет в тюрьме пребывали 10 местных стрельцов, обвиняемых в грабеже дьяка Б. Обобурова. Из остальных в «смертном убийстве» были виновны только двое промышленных людей (видимо, покрученики), убившие на соболином промысле своего хозяина²⁶. Через 4 года в тюрьме содержались лишь трое: Ивашко Чепчугов, который убил 2-х людей, и два «церковных татя» – пономарь Антонов и Кузьма Сапожник. В сентябре 1656 г. все трое из тюрьмы бежали, но через 2 недели, измученные, вернулись в Мангазею, так как «заблудились в тундрах»²⁷.

Об официальных торжествах в городской жизни Мангазеи известно мало. В 1668 г. при воеводе Р. М. Павлове был израсходован пуд пороха при стрельбе из медных пищалей в честь двух церковных праздников – Происхождения честна креста Господня и дня Богоявления, «как ходили на Ердань воды святить»²⁸. Торжественным приемом и стрельбой из пушек сопровождался приезд в город самоедов с ясаком.

Религиозность жителей Мангазеи носила искренний характер, о чем свидетельствует, в частности, следующий случай. Весной 1668 г. воеводе Павлову был сделан устный донос стрельца Онтропьева на тобольского сына боярского Власа Старкова, который «говорил мангазейским попом при сторонних людех про божество непристойные речи». Дело было в съезжей избе, где находились 3 мест-

²³ Бахрушин С. В. Андрей Федорович Палицын. С. 196.

²⁴ РГАДА. Ф. 214. Стб. 60. Л. 532.

²⁵ Там же. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 38–39.

²⁶ Там же. Стб. 408. Л. 394–400.

²⁷ Там же. Стб. 503. Л. 19–21.

²⁸ Там же. Стб. 650. Л. 81. В XVII в. праздник Крещения Господня (6 января, другие названия – Богоявления, Водосвятия) церемониально отмечался в Москве и провинциальных городах России. См.: Котлярчук А. С. Праздничная культура в городах России и Белоруссии XVII в.: официальные церемонии и крестьянская обрядность. СПб., 2001. С. 150–157.

ных подьячих, 2 священника, 4 служилых человека и сам Старков. Священники Ияков Никифоров и Леонтий Иванов говорили Старкову (последний, видимо, привел хлебный караван кочей в Мангазею в 1667 г. и ожидал возвращения в Тобольск): «Мы де идем к тебе, Влас, со крестом Христа славить». Можно предположить, что речь шла о праздновании Пасхи. В ответ Старков отпустил шутку в раблезианском духе: «А я де иду против креста с тайными уды». Стрелецкий пятидесятник Никифор Смирной отреагировал на богохульство Старкова: «Лутче бы ты, Влас, уста свои калом замазал, а нежеб ты такие непристойные речи говорил». Материалы этого дела уже в начале августа попали в Сибирский приказ, но понес ли какое-нибудь наказание Старков, неизвестно²⁹.

Тяжелое время, которое перенесла Мангазея в 1640-е гг. (несколько голодных лет, пожар в кремле 1642 г.) привели жителей города к мысли, что Мангазее нужен свой небесный защитник. В 1649 г. в кремле из земли вышел край гроба, переломивший доску, по которой ходили в приказную избу. Неведомо каким образом могила стала приобретать ореол святости и пользоваться народным почитанием. Новоявленный чудотворец еще не обрел своего имени, а к нему уже стали обращаться в трудные минуты жизни. Ранняя редакция «Жития» о чудесах Василия Мангазейского сохранила ряд живых зарисовок об обыденной жизни горожан³⁰. Так, в 1652 г. некто Дмитрий Евтропиев страдал недугом – гнойным воспалением в паху. Будучи «при смерти», он послал своего сына за местным врачом, коновалом Семеновым. Сын вернулся с известием, что коновал «пьян, нейдет к тебе». Случившийся рядом пономарь Иван посоветовал больному обратиться не к земной медицине, а к Богу. Евтропьев так и сделал, помолившись дополнительно и новому безымянному чудотворцу с обещанием по выздоровлении отпеть панихиду в часовне над его гробом. И действительно, гнойник прорвался, и Евтропьев почувствовал себя лучше. Правда, панихиду он так и не заказал, поскольку случился праздник Рождества Богородицы (6 октября), в который Евтропьев так напился, что «во утрий день забых от пьянства у гробницы панихиду пети». В первые же годы складывания культа Василия Мангазейского выяснилось, что чудотворец может вылечить от разных болезней, вызволить из ледяной воды, отогнать хищников от соболиных ловушек и даже спасти от самоубийства, если человека одолеет «тяжкая злая кручина». На мой взгляд, возникновение народного культа Василия Мангазейского свидетельствует, помимо прочего, и о начале складывания в Северо-Западной Сибири русского старожильского населения, которому нужен был «свой», близкий к его нуждам «предстатель» перед Богом.

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Стб. 869. Л. 68–73.

³⁰ Ромодановская Е. К. Легенда о Василии Мангазейском. С. 191–198.